

Е.Н.Петухова

ДВЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ «ШУТКИ»: «ШУТОЧКА» А.ЧЕХОВА И «ШУТКА» А.СЛАПОВСКОГО

Чеховский рассказ сопоставляется с рассказом современного писателя, учитывающего и классические традиции, и опыт постмодернистской художественности. Анализ показывает, что в «Шутке» А.Слаповского преемственная связь с «Шуточкой» А.Чехова проявляется в системе субъектно-объектных отношений: герой — автор — читатель, которая обусловила амбивалентность оценки персонажа читателем и «устранение» автора.

Ключевые слова: автор, персонаж, сюжет, позиция, способ повествования, ирония, оценка

А.Слаповский, получивший широкую известность в 90-е годы, к творчеству Чехова обращался неоднократно, самый известный пример — пьеса «Мой вишневый садик», представляющая постмодернистское переложение чеховского «Вишневого сада»: классический сюжет экстраполируется на социальную ситуацию 90-х годов прошлого века, травестируется, но к финалу раскрываются соотносимые с чеховскими неоднозначность и драматизм положения персонажей и их психологического состояния. Рассказы Слаповского часто носят юмористический характер, в основе сюжетов лежит анекдот, тем самым они могут отсылать как к рассказам Антоши Чехонте, так и к другим авторам. Однако писатель порой открыто апеллирует к Чехову, например, в рассказе «Чернильница», в котором персонаж, отталкиваясь от чеховской реплики, что можно написать рассказ даже о чернильнице, ставит перед собой чернильницу и пытается что-нибудь в связи с ней написать, но из творческих потуг ничего не выходит. Примечательно, что Слаповский в анекдотических простеньких сюжетах прибегает к типам повествования, характерным не только для раннего Чехова: наряду с повествованием от первого лица, с прямым обращением к читателю, используются и рассказчик-свидетель события, и рассказчик-участник события, и нейтральный повествователь, и двусубъектное повествование, в котором взаимопроникают видение автора и видение персонажа.

О себе А.Слаповский как-то сказал: «В принципе мне довольно легко дается стилизация, и при желании можно то Гоголем пройти, то Достоевским прикинуться. Иногда это интересно бывает, но главным не станет всё равно» [1]. В рассказе «Шутка» он Чеховым «не прикидывается», но чеховский способ повествования, преломляясь весьма причудливо и неявно, дает о себе знать.

Герой чеховского рассказа никак не мотивирует свой розыгрыш Наденьки, и, став взрослым человеком и вспоминая молодость, тоже не находит объяснения своим поступкам. Он подробно описывает психологическое состояние девушки, которое понимает или ему кажется, что понимает, но о собственном внутреннем состоянии не сообщает, как и о мотивах своего поведения. Как замечено в исследовательской литературе, «Чехов разрушает тем самым и классические представления о соотношении «своего» и «чужого» сознания» [2]. В окончательной редакции рассказа, включенной Чеховым в собрание сочинений, возникает характерная чеховская проблема трудности/невозможности понимания человеком самого себя и других. Автор, в свою очередь, не дает никаких оценок поведению и личности персонажа. В качестве намека на авторскую позицию можно было бы рассматривать название рассказа, но и оно понимается неоднозначно: шуточкой называют и легкую, незамысловатую шутку, и — иронически — неудачную или плохую («ну и шуточки!»). Можно согласиться с тем, что чеховское отношение проявляется в изображении «действия и бездействия героя», что рассказ персонажа о том, как он «бессердечно доводил Надю до слез своими нелепыми загадками, которые он тщательно и хладнокровно продумывал, оставаясь совершенно равнодушным к ее страданиям», нелестно его характеризует, даже через много лет у него не возникает сожалений о былой «шутке». Объяснение Чехов оставляет читателям и исследователям, и у каждого оно может быть свое. Например, герою «...важно не причинять страдание Наде, а иметь возможность управлять ее чувствами, обманывая ее» [3, с. 107]. Однако страдание он причинял и не мог не понимать этого. В такой трактовке образ чеховского персонажа сближается с печоринским. Лермонтовский герой сознательно обманывал княжну Мэри, управлял ее чувствами, причинял страдание, притом он понимал, почему так поступает, что им движет, и был откровенен в самоанализе: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! <...> Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости?» [4]. Чеховский безмянный персонаж до конца рассказа не понимает себя и не пытается понять: «А мне, теперь, когда я стал старше, уже непонятно, зачем я говорил те слова, для чего шутил...» [5]. Однако у исследователей есть основания полагать, что на самом деле герой не хочет признаться себе в мотивах своего поведения и в истинном отношении к девушке. Не только слово «уже» выдает его — языковой анализ портрета Наденьки, каким он ее видит, его «информированность» о дальнейшей судьбе девушки проявляют равнодушие героя к ней, даже влюбленность [3]. Тем не менее однозначного толкования текст не допускает: ведь остается непонятным, почему в таком случае молодой человек скрывал свои чувства, причиняя Наденьке страдания, и навсегда уехал. Или он действительно не разобрался в себе, а позже уже сказала «леность души»? Чехов оставляет читателям и исследователям широкое поле для размышлений, рассказ порождает множество вопросов, на которые нет единственного ответа.

В «Шутке» Слаповского на сюжетном уровне нет ничего общего с чеховским рассказом, любовный мотив вообще отсутствует, психологическая характеристика героя не проработана, другие персонажи не более чем фон, условие действия, — просто рассказывается анекдотическая история, которую можно воспринимать и как черный юмор. Время действия — 90-е годы, тогда же и написан рассказ. В черноморском пансионате отрезали телефон и передали ботанической лаборатории, находящейся в 30 километрах от пансионата. Сотрудник лаборатории Ашот, который «обожал выращивать цветы» [6, с. 53], отвечая на звонки, «заранее внутри себя смеялся» [6, с. 54]. Он имел обыкновение ездить в пансионат и привозить к телефону отдыхающих, ничего не объясняя абонентам. Машину Ашот угонял из числа припаркованных иномарок. На этот раз он выбрал «Мерседес»: «За машиной побежали люди, размахивая руками и крича. Они сели в другую машину и погнались за Ашотом» [6, с. 55]. Гонка закончилась тем, что машина преследователей, которые открыли стрельбу, упала в пропасть на узком участке горной дороги, и все погибли. Из текста понятно, что так происходило неоднократно.

Повествование ведется от третьего лица, но в начале рассказа используется обращение к читателю, активизирующее автора: «Тимофеев был женат и заботлив о семье, а Ашот был холост и шутник. Тимофеев жил, как вы сами понимаете, в городе Саратове, а Ашот жил, тоже догадываетесь, где: на Черном море в небольшом поселке и работал в ботанической лаборатории лаборантом — он любил выращивать живые цветы» [6, с. 54]. Любимый ранним Чеховым прием семантического контраста, использованный Слаповским для представления персонажей, определяет общий иронический модус повествования. Далее автор устраняется из текста и переходит к вполне традиционному повествованию от третьего лица, включающему внутреннюю речь персонажа, причем с имитацией кавказского акцента: «Я бы не брал без спроса, мысленно говорил он преследователям, укоряя их. Но вы же не дадите, если по-человечески! А у людей, может, судьба решается, как ты думаешь? Может, человек повеситься хочет, и ему нужно услышать любимую женщину, чтобы раздумать? Может, у него был рак, и он вылечился и хочет сообщить любимой женщине, чтобы она заплакала от счастья? Э? Разве тебе объяснишь?» [6, с. 55]. Читатель остается самому догадываться, думает ли Ашот так на самом деле или он подобным образом себя оправдывает, причем неясно, всерьез или шутивно. Преследование описано сквозь призму видения персонажа: «<...> «Мерседес» ударил в бок машину **хулиганов** (выделение мое — Е.П.), ударил еще, но **глупый шофер** вместо того, чтобы отстать, продолжал гнать, чтобы тем, кто сидел с ним в машине, было удобно стрелять в Ашота. На двух колесах ехать хочет, подумал Ашот, зная, что впереди узкий участок дороги. И действительно, **нападавшая машина** некоторое время ехала на двух колесах, а потом упала в пропасть» [6, с. 55]. Ашот продолжил путь, в пансионате он разыскал жену и дочь Тимофеева и сказал свою любимую фразу: «Вас к телефону». Изумленная женщина после короткого, ничего не значащего разговора с мужем поблагодарила Ашота, а он преподнес ей букет только что срезанных роз: белую, две красных и две розовых — «он обожал именно такое сочетание цветов» [6, с. 56], — эта заключительная фраза отсылает к началу рассказа. Парадоксальное поведение персонажа, любителя цветов, мотивировано лишь одним: он так шутил. Почему именно так, остается загадкой, и вряд ли сам герой мог бы объяснить свою шутку.

Автор, как и Чехов в «Шуточке», не дает оценок ни герою, ни его поступку. Слово «шутка» могло бы стоять в кавычках, но тогда в нем присутствовала бы авторская позиция, уменьшительное «шуточка» слишком явно указывала бы на Чехова. В названии, как и в рассказе в целом, заложена амбивалентность оценки, которая проблематична и для читателя, и для автора, не знающего или словно не знающего, как относиться к персонажу, кто он: романтик-авантюрист, любящий эффектные жесты, наивный доброхот, не различающий черту, за которой благие намерения претворяются в преступные действия, развлекающийся молодой человек, не обремененный моральными соображениями, или невольный преступник, не осознающий этого. Факт, что хозяева «Мерседеса» сами могли быть бандитами, поскольку вооружены и стреляют по угонщику, объективно не оправдывает Ашота. Или же оправдывает в глазах автора и читателя? Ответ вариативен. Вариативность восприятия и позиции — примета игрового конструирования текста, присущего постмодернистскому художественному методу, основанному на релятивизме, отказе от нравственного императива, равновероятности и допустимости любой мотивации. Исследователи постмодернизма Н.Лейдерман и М.Липовецкий отметили, что многие современные писатели не решаются «ни утверждать, ни отрицать. Они отказались от позиции, заменив её непрерывным вопрошанием: а есть ли смысл в реальности? что есть реальность? как сделать смысл реальным, а реальность осмысленной? Именно по этому пути пошли Чехов и Бунин, и ещё более радикально — Бабель, Замятин, Вагинов, Добычин, Платонов, Мандельштам» [7]. Другие теоретики и практики постмодернизма, в частности, Б.Парамонов, В.Курицын, Вик.Ерофеев, Д.Пригов, тоже находили его идейные и художественные истоки у Чехова, «опираясь на его антидогматизм, видимый релятивизм, отсутствие жесткой иерархической модели...» [8], отказ от суда над героем. Огромная разница, проигнорированная постмодернистами, заключается в том, что у Чехова была своя философско-эстетическая и нравственная позиция, «подсвечивающая» текст и просвечивающаяся в нем, нередко, впрочем, и явно выраженная. Н.М.Липовецкий отнес А.Слаповского и некоторых других современных писателей к авторам, укорененным в реалистической традиции, но учитывающим «опыт постмодернистской художественности» [9]. В рассказе «Шутка» связь с «Шуточкой», на наш взгляд, проявляется в системе субъектно-объектных отношений: герой — автор — читатель. В соответствии с «постмодернистской художественностью» за пределами авторского исследования остаются психологическое и эмоциональное состояние человека, связанное с проблемой непонимания себя и мира, отсутствует лирическое переживание с множеством нюансов, — все, что есть в

«Шуточке» и делает ее замечательным произведением, в котором «анекдотический парадокс и парадокс психологический оказываются разными гранями чеховского понимания человека» [10]. Наконец, «Шуточка» связана с жизненным и литературным чеховским контекстом, героиня имеет прототип [11]. Рассказ укоренен в дискурсе Чехова, художественная правда и психологическая достоверность выводят «Шуточку» за рамки «конкретного случая», талантливо описанного, как то было в ранней редакции рассказа.

В рассказе Славовского представлен именно конкретный случай: отстраненно-иронически, нарочито безэмоционально описан только поступок, судить о нем и о человеке, охарактеризованном одним словом «шутник», предоставлено читателю. Парадоксальность поведения задает психологическую загадку, ключа к которой в рассказе нет и не должно быть — автор не заинтересован в разгадке: просто «такой человек», «так бывает». «Шутка» А.Славовского вполне симптоматична для эпохи постмодерна, в которой человек дезориентирован перед лицом крушения классического гуманизма и дискредитации всех традиционных ценностей.

1. Курылёва М.В. Проза А.Славовского, вопросы поэтики [Электр. ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/proza-a-slapovskogo-voprosy-poetiki#ixzz4ooNyoYRs> (дата обращения: 15.09.2017).
2. Магомедова Д.М. Парадоксы повествования от первого лица в рассказе А.П.Чехова «Шуточка» // Жанр и проблема диалога: Сб. науч. ст. Махачкала, 1982. С. 81.
3. Golomb H. A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence through Absence. Brighton; Chicago: Sussex Academic Press, 2014. 434 p.
4. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т.4. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 401.
5. Чехов А.П. Шуточка // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 5. М: Наука, 1974—1983. С. 24.
6. Славовский А. «Шутка» // Слово: Книга для чтения. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2006. С. 53-58.
7. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 3: В конце века (1986—1990-е гг.): Учебное пособие. М: Эдиториал УРСС, 2001. С. 97.
8. Петухова Е.Н. Чехов в восприятии постмодернистов // Образ Чехова и чеховской России в современном мире: К 150-летию со дня рождения А.П.Чехова. Сборник статей. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 290.
9. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997. С. 312.
10. Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 90-91.
11. Полоцкая Э.О. Вокруг ялтинской редакции «Шуточки» // Полоцкая Э.О. О Чехове и не только о нем. Статьи разных лет. М., 2006. С. 39-62.

References

1. Kurylyova M.V. Proza A.Slavovskogo, voprosy poetiki [Slapovsky's prose and the problems of poetics]. Available at: <http://cheloveknauka.com/proza-a-slapovskogo-voprosy-poetiki#ixzz4ooNyoYRs> (accessed: 15.09.2017).
2. Magomedova D.M. Paradoxes of first-person narration in the story "The Little Joke" by Chekhov]. Coll. of papers "Zhanr i problema dialoga". Makhachkala, 1982, p. 81.
3. Golomb H. A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence through Absence. Brighton; Chicago, 2014. 434 p.
4. Lermontov M.Yu. Geroj nashego vremeni [A Hero of Our Time]. In: Lermontov M.Yu. Works in 4 vols, vol. 4. Moscow; Leningrad, 1959, p. 401.
5. Chekhov A.P. Shutochka [The Little Joke] // Compl. coll. of works and letters in 30 vols, works in 18 vols, vol. 5. Moscow, 1974—1983, p. 24.
6. Slapovskiy A. Shutka [The Joke]. Slovo: Kniga dlya chteniya. Saint Petersburg, 2006, pp. 53-58.
7. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. Sovremennaya russkaya literatura [Modern Russian Literature]. In 3 vols, vol. 3: V kontse veka (1986—1990-e gg.) [At the close of the century (1986—1990s)]; Uchebnoe posobie. Moscow, 2001, p. 97.
8. Petukhova E.N. Chekhov v vospriyatii postmodernistov [Chekhov through the impression of postmodernism]. Coll. of papers "Obraz Chekhova i chekhovskoy Rossii v sovremenno m mire: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya A.P.Chekhova". Saint Petersburg, 2010, p. 290.
9. Lipovetskiy M.N. Russkiy postmodernizm. Ocherki istoricheskoy poetiki [Russian postmodernism. Essays on historical poetics]. Ekaterinburg, 1997, p. 312.
10. Sukhikh I.N. Problemy poetiki Chekhova [The problems of Chekhov's poetics]. Saint Petersburg, 2007, pp. 90-91.
11. Polotskaya Eh.O. Vokrug yaltinskoy redaktsii "Shutochki" [On the Yalta edition of "The Little Joke"]. In: Polotskaya Eh.O. O Chekhove i ne tol'ko o nem. Stat'i raznykh let. Moscow, 2006, pp. 39-62.

Petukhova E.N. Two jokes in literature: «The Little Joke» by A.Chekhov and «The Joke» by A.Slavovsky. This article compares Chekhov's story with the story by modern writer who takes into account classical traditions and the experience of artistic merit of Postmodernism. The analysis shows that the main similarity between "The Joke" by Slapovsky and "The Little Joke" by Chekhov is the subject-object relation (character— author — reader) which determines ambivalence in readers' evaluation of the character and "elimination" of the author.

Keywords: author, character, plot, attitude, method of narration, irony, evaluation.

Сведения об авторе. Е.Н.Петухова — кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, pen9@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.